

Я ВЕРНУСЬ,
МАМА!

ЮРИЙ ЛЕВИН

ЮРИЙ
ЛЕВИН

Я ВЕРНУСЬ,
МАМА!

ПОВЕСТЬ

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1992

ББК 84Р7
Л36

Редактор
С. В. Марченко

Левин Ю. А.

Л36 Я вернусь, мама!: Повесть.— Свердловск: Сред.-
Урал. кн. изд-во, 1992.— 32 с.: ил.

ISBN 5—7529—0156—1

40 к. 100 000 экз.

Повесть журналиста-фронтовика рассказывает о тринадцатилетнем разведчике партизанского отряда. Адресована дошкольникам и младшим школьникам.

Л 4803010102-004 62-92
М158(03)-92

ББК 84Р7

ISBN 5—7529—0156—1

© Юрий Левин. 1992.

© Виктор Солдатов.
Иллюстрации. 1992.

Моя внучка Катенька пришла из школы и сразу с порога сообщила:

— Дедушка, мы сегодня про партизан читали. Как интересно...

— Про каких партизан, Катюша? — спрашиваю.

— Про тех, которые в лесу жили и фашистов били, Красной Армии помогали, — ответила.

Внучка сняла шубку, поставила ранец и подошла ко мне.

— Дедушка, а ты видел на войне партизан?

— И на войне видел, и сейчас встречаюсь...

И я вспомнил своего давнишнего знакомого Владимира Захаровича. Только звали его тогда не по имени и отчеству, а просто Вовка.

— А почему дядю Вовкой называли? — удивилась Катенька.

— Когда началась война, ему исполнилось всего тринадцать лет, — ответил я внучке. — В таком мальчишеском возрасте он и стал партизаном.

— В тринадцать? — удивилась Катенька. — Как это?

— А вот так уж вышло...

Жил Вовка Иванов в деревне Виселки. Та деревня примостилась у самого берега реки. А за ней лес. Для ребятешек благодать: хочешь — рыбу уди, хочешь — в лес по ягоды да по грибы отправляйся.

Вовка любил рыбалку. Вот и в то лето, когда начались каникулы, он со своими дружками от утренней зари до вечерних сумерек всё пропадал на речке.

Домой Вовка возвращался не с пустыми руками. Весь улов — окуньков, плотву, ершей — отдавал маме. Она готовила да хвалила сына.

Но однажды ребячья рыбалка внезапно оборвалась. Над дальним лесом, что виднелся на противоположном берегу речки, взметнулись тёмно-серые столбы дыма.

— Это в Латвии что-то горит, — сказал Петя Бодулев, — дружок Вовкин.

Ребята знали, что за виселковскими лугами начинается латвийская земля. Оттуда и валил дым.

— Может, и верно пожар? — произнёс Вовка.

Пожар, конечно, но отчего?

И вдруг прямо над мальчишками очень низко пронеслись самолёты. Сначала два, потом ещё три...

— Смотри, не наши — с крестами.

Володя и Петя, смотав удочки, побежали домой. А там их встретила недобрая весть — война!

Впервые Вовка вернулся без улова.

— Пришёл! Молодец! Не уходи далеко! — с тревогой просила мама.

В Виселках происходило такое, чего никогда раньше ребятам не доводилось видеть. Из каждой избы провожали мужиков на войну. Мальчишки и девчонки шли рядом с ними далеко за околицу деревни, а там вслед уходящим долго махали руками. Многие плакали.

А мальчишки завидовали старшим: те шли врагов бить, а они оставались в Виселках.

Но фронт подбирался к Виселкам всё ближе. Уже слышно было уханье пушек, отчего звенели оконные стёкла и вздрагивали стены избы.

А однажды на рассвете Виселки утонули в сплошном грохоте и гуле. Бой шёл за огородами у шоссеиной дороги, что вела в Ленинград.

Мальчишки, укрывшись между грядок, внимательно наблюдали за всем, что происходило на дороге. А когда наши отступили и гул боя откатился от Виселок, ребята решили обследовать дорогу и поле, где ещё вчера шло сражение. Больше никто не появлялся.

— Смотри-ка,— остановился Вовка,— пулемёт целёхонький.

И правда, у дороги в канаве лежал убитый фашист, а рядом — пулемёт. А чуть подальше — ещё пулемёт. И автомат. Тоже немецкий. А кругом — никого и так тихо, что даже страшно.

— Петя, Вовка,— обратился к друзьям веснушчатый Вася Сазонов,— давайте соберём это оружие.

— Зачем оно нам? — спросил Петя Бодулев.

— Как зачем?! — удивился Володя Иванов.

Он подошёл вплотную к Пете и Васе и тихонечко, почти шёпотом, будто остерегался кого-то, сказал:

— Вчера вечером к нам приходил дяденька. Незнакомый совсем. Мама сказала, что он из города Себежа, в райкоме работает. Так этот дяденька говорил, чтоб все шли в Лаховенский лес, там партизаны в отряд собираются.

— И нам туда надо идти,— подхватил Вася.

— Правильно! — согласился Володя.— Соберём здесь оружие и пойдём к партизанам.

— А я знаю дорогу в Лаховню,— обрадовался Петя,— мы с папкой по дрова туда ездили. Там всё лес да лес.

Целый день ребята провели у шоссеиной дороги. Всё поле, испаханное снарядами, излазили. Нашли три пулемёта, несколько автоматов, даже попался им нетронутый ящик с гранатами — и всё это перетащили в ближайший лесок, а там, откопав яму, спрятали.

Ребята держали свой оружейный склад втайне до тех пор, пока в Виселках снова не появился «дяденька из райкома». Его даже привели в лесок и показали ему собранное немецкое оружие.

— Ну и молодцы! — хвалил дяденька.— Спасибо вам за такой подарок! Партизанам сгодится.

Ребята возликовали: это же просто замечательно, что собранное ими оружие ударит по врагу, они не с пустыми руками в отряд придут. Но дяденька сказал, что им пока рановато идти в отряд, а ребятам так хотелось попасть в Лаховенский лес!

— Мы тоже хотим быть партизанами!

— Да, партизанами!

— А вы и есть партизаны,— сказал дяденька.— Продолжайте собирать оружие. А когда придёт время, я сам вас увезу в партизанский отряд. Договорились?

— Договорились! — ответили мальчики, скрывая досаду.

Всё исполнилось так, как обещал «дяденька из райкома». Он появился в Виселках в мае следующего года и, собрав четырёх дружков: Петьку Бодулева, Володю Иванова и братьев Сазоновых — Васю и Колю, объявил:

— Ну вот и пришла ваша пора. Собирайтесь в Лаховню. Сегодня, как стемнеет, пойдём.

Вовка Иванов от радости аж подпрыгнул.

Но когда пришёл домой и сообщил всё маме, она наотрез отказалась отпускать его. У Вовки слёзы так и брызнули. Выручил опять же «дяденька из райкома». Он как раз зашёл к ним в дом.

— Хотим вашего сына в партизанский отряд принять, — сказал он маме.

Володе понравилось, как дяденька сказал, — принять.

— Да, мамочка, — повеселел он, — нас принимают.

— Кого это нас? — застыла с кринкой в руках Володина мать и, услышав о том, что в отряд уходят все дружки её сына и что их родители отпускают, обратилась к гостю с просьбой, чтоб он уж присматривал за мальчонкой, всё-таки дитя ещё.

Собирался Володя недолго: положил в торбочку краюху хлеба, ломоть сала да кое-что из одежды — и был готов. А мама вдруг схватила сына, прижала к себе и никак не отпускает. А слёзы кап-кап-кап!

— Мамочка, не надо плакать, — умолял Володя. — Я скоро вернусь... Разобью немцев, и вернусь... Вот увидишь...

Мама проводила Володю за порог и замерла на крыльчке. Её Вовка ушёл в партизаны, воевать ушёл...

Лаховенский лес встретил мальчишек тишиной — будто никого там не было. «А может, все спят под деревьями да в кустах — ночь ведь», — подумалось Володе. И вдруг из темноты вырвалось:

— Стой, кто идёт!

Нет, не все здесь спали, кому полагалось быть на чеку, тот сквозь темень всё видел. Вот и их, мальчиков, тоже заметил.

«А вдруг не пропустят, — забеспокоился Володька, — завернут обратно». Обидно стало, они ж не чужие, из Виселок пришли, чтоб врагов бить... Прижались друг к другу мальчишки и замерли: что же дальше-то будет?

— Свой, — ответил «дяденька из райкома» и, приблизившись к часовому, тихим голосом назвал пароль.

— Проходите! — услышали ребята.

И от этого слова им сразу полегчало. Их признали

своими и без всяких возражений впустили в партизанский лес.

А утром, после того как ребята хорошенько выпались на пахучем сене в партизанской землянке и позавтракали, их пригласил к себе командир отряда.

— Давайте знакомиться, — сказал командир и, подойдя к мальчишкам, каждому пожал руку и назвал свою фамилию: — Добряков.

И они все четверо сообщили свои фамилии и имена. Неожиданно для ребят командир произнёс:

— Спасибо за службу!

Мальчишки не поняли, за что их благодарит командир. Он это заметил и пояснил:

— За оружие спасибо! Оно нам очень пригодилось.

При этих словах командир потрепал светлые Вовкины вихры. Вовке показалось, будто отец гладит его по голове, и так захотелось всем телом прижаться к нему. Но опомнился — перед командиром надо стоять навытяжку. А командир сам прижал к себе Вовку и нежно-нежно погладил его по щеке.

— С моим Сашкой схож, — совсем тихо сказал командир. — И волосы такие же — льняные...

Потом он смолк, подошёл к столу и, усадив ребят на скамейку, спросил:

— Мне сказали, что вы хотите быть в нашем отряде. Так?

— Угу, — несмело произнёс Володя.

— Как понимать «угу»?

— Партизанами хотим стать, фашистов хотим бить, — громко отозвался Вася Сазонов.

— Вот это голос. Партизанский! — одобрил командир. — Ну, лады.

Все в отряде знали, что когда командир произносил «Ну, лады», то это означало, что разговору конец и решение принято. Мальчишки это тоже поняли: их зачислили в отряд.

И началась у ребят партизанская жизнь, новая, совсем непохожая на прежнюю, жизнь в лесу, в землянке, в поле, у костра. Каждому дали оружие, указали, кто и чем должен заниматься. У партизан ведь дел много: вести разведку, нападать на вражеские штабы, оружейные склады, минировать дороги, по которым должны двигаться колонны фашистов, подрывать их железнодорожные эшелоны.

Володю Иванова определили во взвод разведки. Он

был рад назначению и особенно тому, что вместе с ним в этот же взвод попал и его самый близкий друг Петька Бодулев. Ночью, лежа на нарах, дружки шептались.

— Петь, а Петь, знаешь, куда мы пойдём в разведку?

— Не-е, не знаю.

— Кажется, в Себеж. Слыхал я, что там у немцев большой штаб. Пойдём с тобой и всё разузнаем.

— А как разузнаем? — интересовался Петька.

— Пойдём в Себеж и там увидим, в каком доме фашисты штаб себе устроили. Потом возвернёмся и доложим командиру.

— А потом?

— Вот чудак! Не знаешь, что после разведки бывает? Налетим всем отрядом на немецкий штаб — и каюк ему.

— Здорово! — обрадовался Петька.

Сбылась мечта мальчишек. Только не в Себеж их послали, а в родные Виселки, где им всё знакомо до колышка. Командир взвода сказал, что фашисты, разыскивая партизан, налетели на деревню, многих жителей поубивали и расположили там своё карательное подразделение. Пете и Володе приказано пробраться в Виселки и точно установить: в каких домах фашисты остановились, сколько их.

До Виселок километров десять будет. Петя и Володя пошли пешком. Сначала лесом шли, потом, когда из-за горизонта выглянуло солнышко, выбрались на полевую тропинку и напрямик подались к речке, а оттуда берегом и до Виселок дотопали.

Ребятам сразу жутко стало: не было деревни, сгорела. Одни пепелища чернели да печные трубы торчали. «А где же мама? — ёкнуло Вовино сердечко. — И соседей не видеть, пусто кругом...»

— Моего дома нету, — шептал Володя. — И твой, Петька, тоже сожгли.

— Ага, сгорел и мой, — расстроился Петя.

Но на взгорке, что ближе к шоссейной дороге, остались три целёхоньких дома.

— Наверно, немцы для себя оставили, — сказал Володя, — потому и не сожгли.

— Правда, — подтвердил Петя. — Дома-то на горке, оттуда всё кругом видать: и шоссейку, и лес.

— И нас с тобой видно, — кивнул головой Володя.

У ребят созрел план: подойти поближе к уцелевшим домам. Надо же узнать, что там. Но идти напрямик — опасно.

— Давай пойдём к пепелищам наших домов,— предложил Володя.— Будем там копошиться, вроде разыскиваем чего-то.

Это был самый верный шаг ребят. Правда, рискованный, но верный. Разве можно догадаться, что мальчишки, роющиеся на пепелищах, разведчики-наблюдатели? Немцы увидят их и подумают: мальцы ищут уцелевшие пожитки — пусть себе копаются в пепле...

Вооружившись длинными хворостинами, ребята начали старательно разгребать груды серого пепла.

— Глянь-ка, что я нашёл,— обрадовался Вова.— Коньки... Мои коньки... Целы...

Петька тоже обрадовался находке друга. А как не радоваться! В таком чернющем пожарище — и вдруг целёхонькие, с блеском коньки.

— Ты счастливый, Вовка,— улыбался Петя.— Опять будешь кататься...

— Мы оба будем на них кататься,— сказал Вова.— Сначала ты, потом я. Согласен?

Коньки коньками, но ребята ни на секунду не забывали о главной своей задаче: есть ли немцы в уцелевших домах и сколько их? Роясь в пепелище, они не сводили глаз с тех домов. А они словно мёртвые были, никаких признаков жизни не подавали.

— Вовка, давай-ка поближе к взгорку подойдем,— предложил Петя.

И мальчики побежали, будто балуясь, наперегонки. Это тоже была ребячья хитрость, чтоб никто не подумал, что у них есть стремление подойти вплотную к тем таинственным домам. Просто мальчишки озорничают.

Дома совсем уже близко, метров триста до них. И снова тишина, никого.

Ребята осмелели: видать, пусто там. И пошли они напрямую к домам.

— Стой! — прошептал Володя.

Петька замер на месте.

— Гляди,— продолжал Вова,— за сараем грузовик — кузов виден.

Точно, у сарая одного из уцелевших домов стояла грузовая автомашина, кузов которой был обтянут брезентом. Теперь ребята ничуть не сомневались, что в домах есть немцы. Но это только догадка, чего же они в домах сидят, на улицу не высовываются?

— Ну и фрицы,— обозлился Петя.— Наверно, дрыхнут. Может, прав был Петька, но немец-часовой не спал.

Он сидел на чердаке дома и, устроившись с автоматом у смотрового оконца, хорошо видел деревенских мальчишек. Наблюдал спокойно за ними до тех пор, пока они были на большом расстоянии от немецкого расположения, но вот сейчас они больно смело приблизились. И немец хлестанул из своей конуры автоматной очередью.

— Ложись! — крикнул Володя.

Ребята повалились наземь и быстро-быстро поползли в сторону от дороги. Немец дал ещё очередь. Пули стали щёлкать чуть-чуть впереди.

— Вишь, не пускают нас к избам, — с досадой в голосе произнёс Петя, когда они заползли в глубокую канаву, что находилась метрах в ста от уцелевшего сарая. — Куда теперь пойдём?

Что и говорить, напугались ребята. Им доводилось и раньше слышать автоматную да пулемётную пальбу, но только стрельба была где-то поодаль, а нынче фашист в них целился, и пули прямо перед носом чиркали. Хорошо, что канава выручила.

Петька повторил вопрос:

— Куда, говорю, теперь подадимся?

— Отдышимся и в обратную, — сказал Володя. — Дело ясное. Немцы тут... Так и доложим командиру.

— Командир спросит: «Сколько немцев?» Что ответим? — не отставал Петя.

Володя задумался: и верно, сколько же их?

Притаившись в канаве, Петя и Володя, каждый про себя, решали одну задачу: как определить, хотя бы приблизительно, сколько фашистов расположилось в Виселках. Первым нарушил молчание Володя:

— Давай-ка поползём на мой огород. Там яма глубокая есть. Отец погреб хотел построить, да не успел... Спрячемся в ней... Понаблюдаем оттуда.

Петя согласился. До ямы в Володином огороде добрались быстро: где перебежками, а где и ползком. Немец, если и видел их убегающими, наверно, подумал: вот как я их напугал! А ребятам и дела нет, что о них подумал фашист, они уже в яме и могут отсюда спокойно наблюдать.

Часа два пришлось пробыть ребятам на огороде. Во все глаза смотрели. И всё-таки дождались того момента, когда с самого высокого холма спустились четверо немцев с пулемётом да с автоматами и гуськом в избу вошли.

— Видел? — спросил Володя.

— Угу...

— Ну вот, четверо уже есть.

Почти дотемна проторчали ребята в яме. И не зря: вечером немцы, выйдя из домов, построились в две шеренги.

— Петька, считай!

— И ты считай.

Двенадцать фашистов насчитали ребята в первой шеренге. Столько же и во второй. Да командир ещё.

— Решил задачку? — обратился Володя к другу.

— Тут и решать нечего. Двадцать пять фашистов.

— А вот и нет, — возразил Вовка. — Чердачного немца забыл приплюсовать. Он же на посту, а часовому в строй становиться не полагается.

— Ну тогда двадцать шесть, — согласился Петя.

— Ставлю тебе за задачку четыре с плюсом.

Ребята будто на крыльях выпорхнули из ямы и огородами помчались снова к реке, а оттуда напрямик в Лаховенский лес. Они сейчас могли бы гордиться собой. А как же, точно исполнили приказ командира, теперь они точно ему доложат обо всём, что видели в Виселках.

А перед самым лесом они встретили девочку из их деревни. И она сообщила большую радость: Вовина и Петина мамы живы, живут они в землянках в другом селе. За такую весть Володя отдал девочке свои коньки-снегурочки. Она даже Володю поблагодарить не успела, мальчишки быстро скрылись в лесной чаще.

В отряде ребят похвалили.

— Настоящие разведчики, — сказал про них командир и велел отдыхать.

В полночь Володе и Пете снова пришлось идти в Виселки. Только теперь они не вдвоём пробирались, а шли с группой партизан. Ребята проводниками были. Командир так и сказал старшему группы: «Дорогу мальцы покажут... И чтоб от фашистов мокрое место осталось».

Партизаны точно исполнили командирский приказ. Взяли те три дома в Виселках в полукольцо. Часового, который шагал вокруг изб, подкараулили и, внезапно навалившись на него, скрутили и «перепеленали» верёвкой, чтоб не трепыхался. Потом отвели его подальше от изб и поручили Володе и Пете охранять пленного.

— Кому он нужен? — со злостью произнес Петя. — Вражина он, наши дома спалил...

— Верно, спалил, — подтвердил Володя, — теперь не-

мец нам «языком» будет. Мы его в отряд приведём, там командир допросит его... Понял?

Петя кивнул головой и, как и Володя, уставился на «языка». Тот, будто мёртвый, лежал и не шевелился.

А партизаны подобрались к тем фашистам, которые в домах спали. В окна полетели гранаты. Разрывы — один за другим — нарушили ночную тишину. Раздались крики. Уцелевшие фашисты выскакивали из окон и дверей. Но партизанский пулемёт и винтовки уложили их на месте, ни один враг не ушёл.

— Это вам за наши Виселки, — шептал Володя.

Не прошло и часа, как в Виселках снова стало тихо. Партизаны, покончив с фашистами, отправились в обратный путь. С ними следовал и «язык», которого конвоировали Володя и Петя...

После того ночного боя ещё много раз Володе Иванову доводилось ходить в разведку и участвовать в налётах на врагов. Парень стал заправским партизаном, повзрослел, окреп. Мама бы посмотрела на него и, наверно, удивилась бы: какой ладный сын у неё.

Командир тоже заметил, как изменился Володя: крепко руку жмёт, когда здоровается. Ну что ж, пора на новое дело ставить парня. И Володя был определен в команду подрывников. А вскоре и Петя Бодулев там же оказался. Мальчишки давно мечтали об этом. Завидовали тем партизанам, которые уходили на подрывные задания, слушали рассказы про то, как удалось отправить под откос немецкий состав с танками, как взорвали вражий склад с горючим и боеприпасами. Вот бы им тоже пустить на воздух какой-нибудь фашистский поезд!

И мечта сбылась. Они — подрывники.

— А годков-то тебе сколько? — спросил Володю новый командир взвода, когда парень прибыл в его распоряжение.

— Пока пятнадцать...

— Почему «пока»?

— Ещё неделька, и шестнадцать исполнится.

— Ну ты шутник, парень, — командир похлопал Володю по плечу. — Шестнадцать — это хорошо... А звать как?

— Владимир Иванов.

— Звучит. Меня Николаем зовут. А фамилия — Лапин.

Так они и познакомились. Лапин рассказал Володе про свою прежнюю жизнь. Воевать начал, как и многие мужчины, красноармейцем. Служил в сапёрной части. Потом был ранен. Без сознания долго пролежал на поле

боя, а когда пришёл в себя, понял, что оказался на земле, занятой немцами. Напряг все силы и пополз в лес. А там натолкнулся на партизан.

— А знаешь ли ты, Владимир Иванов, кто такой сапёр? — спросил Лапин и сам ответил: — Сапёр — это боец передовой линии огня. Пехоте, скажем, предстоит прорвать оборону врага. Кто идёт впереди всех? Сапёры. Они первыми проникают во вражью оборону и делают в ней проходы для своей пехоты: обезвреживают вражеские мины, разрезают колючую проволоку... Или надо войскам переправиться через реку. Опять сапёры впереди — строят мосты, наводят понтоны... Вот так, брат, без сапёра войска и шага не ступят. Наше дело опасное. Может, слышал поговорку: сапёр ошибается один раз! Это что значит? Вот ты идёшь по минному полю. Ищешь мины, чтобы их обезвредить. Оступишься, ошибку допустишь — мина разорвёт тебя в клочья. Ошибка, брат, смерть для сапёра, мина никого не щадит.

Володя внимательно слушал своего командира. Интересно рассказывает и всё знает. И подумал Володя: хорошо, что к Лапину во взвод попал.

— И ты, Владимир Иванов, теперь тоже сапёр, — продолжал Лапин. — Правда, пока не обученный. Но это не беда. Научим.

И правда, Лапин каждый день занимался с Ивановым, рисовал ему на листе бумаги разные мины, взрыватели, толовые шашки, а потом и настоящие показывал, учил, как ставить подрывные заряды под железнодорожные рельсы. И всегда понятно и толково объяснял.

— Мы с тобой, Владимир Иванов, сейчас ладком всё обмозгуем, — говорил Лапин, когда объяснял какую-либо сапёрную премудрость, — и будет полный порядок.

А когда настал час идти на задание, Лапин построил группу и уже по-командирски строго спросил:

— Рядовой Иванов, задача ясна?

— Ясна, товарищ командир!

— Готов идти на задание?

— Готов!

А задание было ответственное: взорвать железнодорожный мост у станции Заситино. Мост небольшой, но важный: через него очень часто шли немецкие поезда. На фронт везли танки, орудия, солдат.

Как стемнело, партизаны-подрывники отправились в путь. Рядом с Володей, локоть в локоть, шёл его друг

Петя Бодулев. Все были нагружены, у каждого за спиной по ящику взрывчатки.

Дорогой молчали, сначала шли в шеренге по два, потом, когда тропинка совсем узкой стала, двигались друг за другом. Впереди шёл Володя. Ему была знакома эта тропа, он ходил по ней на разведку в Заситино. Позади — командир. Изредка он произносил: «Кто приотмился — отзовись».

На первом да и на втором километре усталости никто ещё не чувствовал, но на третьем — ящики отяжелели. Однако крепились, виду не подавали. По-прежнему шли молча, только тяжелее дышали. После пятого километра сделали привал.

— Всем лечь, расслабиться, — распорядился Лапин. — Ноги на ящики поднять.

Лес дышал теплом. Пахло травой. Тишина убаюкивала.

— Только не спать, — советовал Лапин, — пусть ноги дремлют. Голове в походе отдых не нужен, только ногам он необходим.

— А мои совсем не устали, — подал голос Иванов. — Правда-правда.

— Верю тебе, браток, молоды ещё твои ножки, — услышал Володя голос Лапина. — Вот мои гудят, потому как натрудил я их в походах.

Так в разговорах время и пробежало. Поднялись сапёры дружно, взвалили на плечи поклажу — и в путь. Идти осталось немного — километра три.

— Теперь осторожнее, немец рядом, — подсказывал Лапин. — Ногами не шаркать. Мягче ступать.

Володя снова шёл направляющим. Тропинка петляла по лесу, затем вывела партизан в поле. Вдали сверкнул огонёк.

— Это Заситино. Мост левее станции, — произнёс командир и велел всем остановиться, а сам, оставив груз, пошёл вперёд. Возвратился и сообщил, что у моста тихо, можно приступать к делу.

Партизаны тихонько перенесли взрывчатку к мосту, а затем Володя и Петя отошли метров на двести назад, чтобы в случае чего, если немец обнаружит наших, прикрыть их огнём.

Поначалу всё шло нормально. Командир с группой, не торопясь, но и не мешкая, ловко ставили заряды на мосту.

— Кто-то идёт, — шёпотом вдруг сказал Петя.

— Слышу, — отозвался Володя. — Видишь, к мосту тёмная фигура движется. Наверно, часовой.

— Что делать будем? — забеспокоился Петя.

— Надо ползти к нему наперерез, — сказал Володя. — Стукнем его сзади.

Поползли так, что даже ни одна травинка не зашуршала, тихо-тихо продвигались к железнодорожной насыпи. Метрах в двадцати от дороги ребята залегли. Фашист был ещё далековато. Идёт себе и ничего такого не подозревает. А парни притаились. Вот немец, тихонько насвистывая, поравнялся с ними, затем пошёл прямо к мосту. Петя взял его на мушку, а Володя, поднявшись во весь рост, подкрался сзади и с размаху ударил немца прикладом по голове. Тот пошатнулся и рухнул на землю замертво.

Так бесшумно и быстро убрали парни часового и этим помогли партизанам-минёрам продолжать свою опасную работу на мосту.

Партизаны, заложив заряды взрывчатки и подсоединив к ним бикфордов шнур, отбежали от моста. Чиркнула спичка, и искрящийся огонёк побежал по шнуру к зарядам. А партизаны быстро укрылись в лесу. За спиной оглушительный взрыв потряс воздух. Мост рухнул.

Той же ночью минёры возвратились в партизанский лагерь. И завалились спать. Всё-таки устали...

Партизанский сон короткий: некогда нежиться, новые дела ждут народных мстителей.

— Подъём! — первым услышал команду Володя и, присев на нарах, стал тормошить Петю.

— Хватит комара давить...

Петя лениво шевелился. Гудели ноги, всё тело, будто исхлёстанное плётками, ныло. Поспать бы ещё. Но товарищи уже на ногах, значит, надо вставать.

Володя первым выскочил из землянки, чтобы умыться прохладной водой из умывальника. Брякнул соском — пусто. Тогда он провёл ладонями по росистой траве и влагой смочил лицо.

— Кончай туалет, — поторапливал Лапин, — скоренько строиться.

Партизаны выстроились на зелёной поляне, окаймлённой молодыми стройными берёзами. На середину вышел командир отряда Добряков. Внимательным взглядом он прошёлся по всему строю. Володе показалось, что командир, узнав его, улыбнулся. И Володя в ответ тоже улыбнулся.

Потом Добряков рассказал всему строю про ночную операцию у заситинского моста.

— Теперь надолго замрёт жизнь на станции Заситино, — сказал командир. — Не будут катить по рельсам немецкие поезда. Моста нет, значит, пути врагу нет.

Затем командир объявил благодарность всем подрывникам и отдельно Лапину.

— Иванов Владимир и Бодулев Пётр, выйти на середину! — громко пронеслось над поляной.

Ребята, сделав несколько шагов, замерли перед партизанским строем.

— Вы знаете этих юношей, — обратился к партизанам командир. — Конечно, знаете. Они молоды, но ребята отважные, смелые. Вот минувшей ночью...

И командир рассказал о том, как Володя и Петя бесшумно сняли немецкого часового у моста.

— Это подвиг, товарищи! Не будь смелых действий наших юных партизан, кто знает, как завершилась бы операция. Может быть, целым остался бы мост. Но всё закончилось удачно. За этот подвиг мы вручаем Иванову Владимиру и Бодулеву Петру новые автоматы.

Вот это была радость: прощай, винтовка, здравствуй, автомат!

Прошёл всего лишь один день, и Володю снова включили в боевую группу, которая должна была отправиться на новое задание.

— Тебе, Вовка, везёт, — завидовал другу Петя, который оставался в отряде часовым.

— И тебе повезёт, — успокаивал Петю Володя. — Всем теперь работы хватит.

Петя заинтересовался: на что намекает Володя?

— Рельсовая война начинается, — сообщил Володя.

— Как это — «рельсовая»? — не понял Петя.

— Чьи поезда по рельсам катят? — спросил Володя.

— Ну, немецкие, — ответил Петя.

— Так вот, надо, чтоб больше не катили. Мы эти рельсы всюду подорвём, чтоб ни один фрицевский поезд по ним не бегал. Теперь понял?

— Всё понял, — ответил Петя. — Война на рельсах... Это здорово!

Правду говорил Володя: рельсовая война началась. Почти весь отряд пробирался лесными тропами к железной дороге Рига — Ленинград. Нынче задача у партизан была посложней, чем минирование моста. Нужно поставить заряды взрывчатки на трехкилометровом участке

дороги и рвануть так, чтобы кувырком полетели и рельсы, и шпалы.

Времени у партизан-минёров было очень мало. Через каждые полчаса появлялся поезд. Надо успеть поставить под рельсы толовые шашки, пока на дороге нет движения. Володя получил задание подносить минёрам взрывчатку, Лапин сказал ему: «Шевелиться быстро! Туда и обратно — мигом!»

Расстояние в четыре километра прошли за час. Остановились в кустарнике примерно в километре от дороги. Весь груз сложили на полянке, поросшей густой травой. Тем, кому предстояло установить заряды под шпалы, Лапин приказал подползти к самой дороге, а подносчикам, в числе которых был и Володя, подготовить шашки для перетаскивания.

Подрывники цепочкой вытянулись вдоль железнодорожного полотна. К ним устремились подносчики. Володя Иванов оборачивался так быстро, что минёры, которым он таскал шашки, удивлялись: «Не иначе как парень мотором обзавёлся». Володя отшучивался: «Угадали! Му-два называется».

Под конец Володя упарился, пришлось рубаху скинуть. Последний груз притащил и свалился отдохнуть прямо на траве у дороги.

— Вставай, а то потного земля навеки присосёт, — услышал он шёпот Лапина. — Смертельно простудишься.

В ту ночь отряд Лапина крепко попортил железную дорогу: три километра пути разнесла взрывчатка.

— Ну как? — спросил друга Петя, когда партизаны возвратились в лагерь.

— Здорово, Петька, — ответил Володя. — Впервые увидел такое. Так грохотало, аж земля колотилась. Мы отошли от дороги на километр и в лесочке лежали. Верись, до нас долетали комья земли. Потом пальба пошла. Немцы всполошились... Но мы в лес углубились. А фрицы в лес не суются — боятся партизан.

— Вов, хочешь новость скажу, — Петя прищурил свои чёрные глаза.

— Ну говори!

— Красная Армия близко. Уже Великие Луки и Невель освобождены.

— Кто сказал?

— Я у штаба часовым стоял. Дежурный по отряду сказал лично мне: «Бодулев, пляши! Наши войска приближаются...»

Новость быстро облетела весь отряд. Петя с Володи́дей, лёжа ночью на нарах, не могли уснуть.

— Скоро наши и в Себеж придут,— сказал Володя.

— И кончится наша с тобой, Вовка, партизанская жизнь. Ты куда пойдёшь?

— Красную Армию встречать.

— Ну, а потом? — допытывался Петя.

— Попрошусь в армию.

— И я тоже... И домой хочется...

— Мне, Петька, тоже хочется маму повидать. А как? В армию возьмут — не отпустят домой...

Размечтались ребята... Это хорошо, когда есть мечта. Она, как верный проводник, ведёт тебя к заветной цели, туда, где ты нужен, где принесёшь больше пользы людям, Родине своей. Эта же мечта привела ребят из Виселок в партизанский отряд и помогла им стать настоящими бойцами. Теперь она обязательно приведёт их и в ряды Красной Армии. А там и дальше поведёт по дорогам жизни...

* * *

Мой рассказ подошёл к концу. Я поднялся со стула, чтобы пройтись по комнате, а Катенька не шелохнулась. Ей никак не хотелось, чтобы мой рассказ кончался.

— Дедушка, а Володя вернулся к маме? Он же ей обещал вернуться...

Мне захотелось, чтобы Катюше ответил на её вопрос сам Владимир Захарович Иванов, и я обещал внучке познакомить её с героем. Она обрадовалась, что увидит своими глазами настоящего партизана, и только об одном просила, чтобы встреча произошла поскорее.

Так оно и вышло. Мы встретились с Владимиром Захаровичем в свердловском парке имени Павлика Морозова. Было уже тепло, растаял снег, и по аллеям бежали весёлые ручейки. А мы, устроившись на скамейке вблизи бронзового памятника пионеру, услышали рассказ самого Владимира Захаровича.

— В Красную Армию меня не взяли,— начал он.— Только позже, после войны, я был призван на воинскую службу. А тогда мне сказали: «Мал ещё...» И пошёл я домой, в Виселки. Можно сказать, бегом бежал. По маме соскучился...

Виселки встречали партизан шумно. Изб почти не было, люди жили в землянках. Но радовались, что кон-

чилась война, что возвратились из лесов партизаны — народные мстители.

Володя встретился с мамой у пепелища родного дома. Она стояла у одиноко торчащей печной трубы и во все стороны глядела — всё искала своего Вовку.

— А вот и я, мамочка, — крикнул он. — Видишь, возвратился.

— Сыночек! — крикнула она очень звонко. — Жив, миленький...

— Жив я, цел, — шептал Володя, прижавшись к маме.

А она целовала его, и слезы текли, текли по её лицу.

— Не плачь, мамочка, я же тут, вот видишь, стою рядом с тобой.

Она не могла наглядеться на сына. Её Вовка совсем взрослый стал. Почти три года не видела, а будто вечность прошла. Вон какой широкоплечий. Стройный. И волосы потемнели, видать, у костров подкоптились...

Мы спросили у Владимира Захаровича, как он очутился на Урале.

— Армейскую службу здесь проходил, — ответил он. — Полюбил этот край. Заводов много, леса да озёра красивые...

И остался он, бывший мальчишка-партизан, навсегда в нашем Свердловске. И дети его здесь живут, и внуки тоже.

Юрий Абрамович Левин

**Я ВЕРНУСЬ,
МАМА!**

Редактор С. В. Марченко. Художник В. С. Солдатов. Художественный редактор М. М. Кошелева. Технический редактор И. Ш. Трушникова. Корректоры И. А. Тарская, Т. Г. Калугина.

ИБ № 1684

Сдано в набор 16.05.91. Подписано в печать 19.09.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,68. Усл. кр-отт. 2,2. Уч.-изд. л. 1,8. Тираж 100 000. Заказ 213. Цена 40 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

40 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1992

